

В.Е. Кемеров*

СОЦИАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП КАК ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Сама идея современности оказывается парадоксальной. Большинство людей сознают, что они живут в быстро меняющемся мире. Но лишь немногие рассматривают эту эволюцию как изменения в связях собственного бытия, как изменения характера бытия своей страны, как становление новых способов человеческого взаимодействия. Современность в таком случае присутствует прежде всего пространственно, то есть как неизбежность сосуществования в плотном контакте различных социальных систем. Они в этом представлении современны не потому, что вырабатывают и используют общую метрику социальных процессов, а потому, что существуют одновременно, будучи «вписанными» в уже заполненное (и в этом смысле исчерпанное) пространство социального мира.

Можно говорить не о социальном хронотопе, а о *повседневной топохронии*, в которой временные определения либо погружены в пространственные, либо дистанцированы от них. Не углубляясь пока в специальный анализ этого положения, заметим, что в нем проявляется вполне натуралистический взгляд на социальное бытие, отождествляющий пространственные формы с формами непосредственного восприятия. Сохраняется в этом подходе и традиция трактовки форм времени через формы пространства¹. С этим положением не трудно было бы смириться, если бы не те изменения в жизни человеческого сообщества, которые во второй половине XX столетия коснулись практически всех. Пространство человеческого сообщества преобразуется. Но меняется оно не физически. Не географически. Континенты, регионы, локальные цивилизации остались на прежних местах. Однако речь все более – об уплотнении контактов между ними, о проблеме образования общего, единого или глобального социального пространства. Речь, по сути, должна бы идти не только и не столько о пространстве, сколько о времени – об изменениях, сближающих различные социальные системы, о времени, качественно меняющемся, и под видом общего социального пространства фактически продвигающем структуру одновременно существующих и взаимодействующих в режиме on-line социальных систем.

* Кемеров Вячеслав Евгеньевич – заведующий кафедрой социальной философии философского факультета Уральского государственного университета, доктор философских наук, профессор. По материалам доклада на теоретическом семинаре ИФиП УрО РАН 15 ноября 2006 г.

¹ Эта тема заслуживает специального анализа. Пока же можно предполагать, что одним из его последствий окажется четкое определение различий между традиционной философской антропологией и современной социальной философией в отношении к проблеме хронотопа.

Так *что* же или *кто* обусловил эти изменения времени (и пространства)? Кто является носителем и субъектом этих изменений? Этот вопрос имеет неотложное значение и для практической деятельности, и для функционирующего мировоззрения людей. Но внятного ответа и самого осознания вопроса нет. И на это есть свои причины. Для ясного осознания вопроса необходимо пересматривать стереотипы мышления, привычно погружающего людей во внешние для них времена и пространства.

Прояснить ситуацию с проблемой хронотопа могла бы, кажется, *методология* обществензнания, *использующая арсенал современных научно-теоретических средств* и модели работы со временем и пространством, которые формировались социально-гуманитарными дисциплинами в XX в. Однако и в этой области ситуация складывается довольно противоречивая. Интерес к хронотопической проблематике за последние пятьдесят лет значительно вырос. А вот методологическая определенность в постановке проблемы социального хронотопа отсутствует. Существует идея связи социального пространства и социального времени, *не развернутая* в концепцию взаимозависимых понятий, интегрированных общей направленностью. Э. Гидденс характеризует эту ситуацию достаточно резко: «Не принимая в расчет последние работы географов, можно смело утверждать, что ученые обществоведы потерпели неудачу в попытках представить и проанализировать формы организации социальных систем во времени и пространстве»¹.

Внешним для обществензнания и социальной философии стимулом разработки концепции хронотопа являются физические идеи начала XX в. связывающие движение, пространство и время, намечающие задачи исследования пространства и времени как форм бытия конкретных систем и их взаимодействия. Существенным подкреплением этого стимула оказываются концепции активных, самоорганизующихся, самоизменяющихся систем (Л. фон Берталанфи, П. Анохин, И. Пригожин), дополняемые конкретными исследованиями пространства-времени систем в геологии, географии, биологии, психологии. Поворот ряда наук к качественному анализу сложных систем связывает пространство и время с организацией систем, с особыми отношениями между их элементами, с мерностью воспроизводства и смены этих элементов, взаимообусловленностью их функционирования. Эти идеи являются весьма эвристичными для разработки концепции социального хронотопа, но они не подлежат простому переносу в трактовки социального бытия, поскольку не соотносятся с его содержательным исследованием.

¹ Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003. С.174. Хотя с момента появления этого высказывания прошло 20 лет, упрек Гидденса остается в силе; появились новые работы по теме, но не осмыслено влияние хронотопической тематики на методологию обществензнания и современной философии.

Философская линия рассмотрения социального бытия сквозь «призму» времени получила в XX столетии серьезное развитие (А. Бергсон, М. Хайдеггер, Э. Левинас, М. Мерло-Понти, П. Бурдьё), но в концепцию социального хронотопа она не оформилась. Философы не ставили, как правило, задач, сопрягающих общие идеи с представлениями о реализации времени-пространства в определенных типах общества, во взаимодействиях людей и, собственно, в конкретных социально-научных исследованиях.

В отдельных дисциплинах общественнознания идея хронотопа стала появляться все чаще, но она, как правило, редуцировалась к узким рамкам дисциплинарного интереса. Здесь влияние идеи хронотопа было более терминологическим нежели методологическим. Стимулирующим фактором были не попытки построения новых онтологий, отображающие динамизм социального процесса, общие методологические поиски соответствующих средств, а частные интересы отдельных дисциплин выкроить из аморфных представлений о социуме свои собственные пространства и утвердиться на этих территориях. Представители различных научных дисциплин (а также некоторых сфер практической деятельности) заговорили о своих пространствах (аналогичный интерес ко времени был более редким). На авансцене научных дискуссий оказались правовое, политическое, педагогическое, культурное пространства. Реже говорили и писали о времени, но также стали выделять экономическое, этническое, психологическое время.

Социологи сосредоточили внимание на социальном пространстве, то есть на том пространстве, которое исследует социология. Единицей такого социального пространства считается социальный статус. Индивид, получая социальный статус, выполняет предписываемые им функции. Это представление, обоснованное структурно-функциональным анализом середины XX в., обходится фактически без привлечения социального времени. Социальное время скрыто присутствует в схеме социального статуса, но оно особым образом законсервировано, поскольку сведено к простому воспроизводству функций, повторению позиций. Конечно, социальный статус предполагает и некую последовательность действий, но социальное значение этих действий состоит в сохранении основных схем поведения индивида и взаимодействия его с другими. В этом смысле социальность оказывается синонимом сохранения структуры, элементом которой является статус, а стало быть и самого статуса. Люди занимают позиции в социальном пространстве как некие изначально существующие и стабильные ячейки. За скобками остаются проблемы развития личности, оказывающие воздействие на статусную форму, и более общие проблемы существования поля социальности во времени.

Ситуация может оказаться иной, если проблема изменений начинает «перевешивать» проблему стабильности, как это было, когда возникла тема конструирования социальной реальности¹.

Поле (поля) социальности как особый предмет традиционной социологии можно рассматривать в качестве модельного представления, полученного за счет своего рода «горизонтального» среза множества сходящихся и расходящихся социальных процессов. Их взаимообусловленность и со-изменение, таким образом, редуцируются к пространствам человеческих взаимодействий, носящих устойчивый характер. Такая редукция делает подобные пространства приспособленными для социологического описания и исследования, но она ставит определенные препятствия для понимания динамики социальности, для создания онтологических представлений, интегрирующих социологию с другими социально-гуманитарными дисциплинами.

Вопрос интеграции дисциплин обществознания и проблематика социального хронотопа по сути связаны еще более жестко. Мы начали наши рассуждения с неявного предположения о том, что все социально-гуманитарные дисциплины в конце XX в. начали осваивать хронотопическую методологию и обретать некие общие представления о социальном процессе, стали интегрироваться в понимании его динамики. На деле все обстоит скорее наоборот. Стихийное разделение труда между дисциплинами обществознания, сложившееся на рубеже XIX и XX столетий, разделяет дисциплины и в их отношении к пространству и времени. Социология, вступая в отношения внешней дополнительности с историческим познанием, предпочитает заниматься пространством, оставляя время на попечение истории. Такое разделение труда приводит к разрыву социального хронотопа на время и пространство, но этим дело не заканчивается. Социальное пространство, очерченное границами предмета социологии, поглощает социальное время, превращает его в некий служебный механизм, не имеющий существенного значения для исследования социальных структур. Таким образом, разделение труда и связанная с ним защита дисциплинарных позиций одерживают победу над перспективной методологией.

Согласно сложившейся стихийно системе разделения труда между социально-гуманитарными дисциплинами, динамические аспекты человеческого существования, оставленные в «тени» социологией, рассматриваются историей (периоды, типы, формации) и психологией (собственно динамика индивидуального человеческого бытия). В связи с этим специально разрабатывается концепция психологического времени. *Психологическое время* трактуется как *отражение* индивидом событий его жизни, как *оценка* их последовательности, одновременности, принадлежности к прошлому, настоя-

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

щему и будущему, как *переживание* прерывности и непрерывности времени, как *представление* связи собственной жизни с жизнью других людей, поколений, общества, историей.

Главным в такой концепции является трактовка психологического времени как *отражения* внешней последовательности событий; или, если выражаться языком классической методологии, как *субъективного* представления некоего объективного хода событий, в который включены и сами индивиды¹.

В этой трактовке психологического времени присутствует разделение времени человеческого бытия на *внутреннее*, отраженное и переживаемое, и *внешнее* время событий, в которых реализуются последовательности человеческих взаимодействий. То есть психологическое время в значительной мере оказывается отражением времени социального. Иначе говоря, если психологическое время в основном характеризуется как внутреннее, то социальное время как внешнее. Причем связь между ними – это связь, осуществляемая за счет отражения, связь гносеологическая, связь, не вскрывающая социального значения психологического времени.

Получается, психологическое и социальное время вроде бы дополняют друг друга. Но из этой дополнительности возникает проблема несводимости психологического времени к социальному. А за этой проблемой скрывается давно уже идущая дискуссия о недопущении социологизации психологии и психологизации социологии. В основе этой дискуссии и соответствующей трактовки дополнительности психологического и социального времени лежит все та же стихийно сложившаяся система разделения труда между социально-гуманитарными дисциплинами.

Если же отвлечься от дисциплинарных установок и интересов и попытаться взглянуть на связь психологического и социального времени с позиции бытийствующих, самореализующихся и взаимодействующих человеческих индивидов, картина этой связи оказывается иной.

Психологическое время, не теряя своей особенности, оказывается структурной составляющей социального времени: 1) оно делает возможным социальное время, поскольку «замыкает» его в самих человеческих индивидах; 2) оно само оказывается возможным и не только как отображение и переживание человеком длительности бытия, но и как проектирование и моделирование бытия, в том числе и в его внешних, «объективных» по отношению к психике личности связях и предметностях. Психологическое время специфично, но оно входит в состав социального времени как необходимое условие его реализации. И это особенно важно в ситуациях формирования новых социальных структур.

¹ См., например: Психологическое время // Психологический словарь Петровского А.В. ... // http://www.pbi.ru/dic/p/p_132.htm

Такое понимание психологического времени позволяет по-новому взглянуть и на особенности человеческой психики, на работу сознания личности. Традиционно в фокусе рассмотрения человеческой психики оказываются отражение и переживание: человек отражает внешний мир, отражает свои переживания, свое ощущение времени; это достигается за счет комбинирования различных образов.

Рассмотрение психологического времени как особой структуры времени социального позволяет трактовать психику не только как отображение «внешних» и «внутренних» ситуаций индивида, но и как его связь с ситуациями, которые непосредственно представлены и пережиты быть не могут. Например, с человеческими взаимодействиями, которые происходят вдали от него, происходили в прошлом и возможны в будущем. Сознание личности в этом режиме работает с тем, что непосредственно не отображается, но что может, между прочим, иметь существенное значение для человека. Особенность человеческой психики тогда определяется как способность человека выходить за рамки отражения и переживания, как способность включать в действие схемы событий, находящиеся за гранью непосредственных контактов с миром и соответствующих рефлексивных процедур. Для современного человека, участвующего в разнообразных опосредованных контактах, использующего дальнего действия в своем повседневном поведении, такая работа с психологическим временем становится все более значимой¹.

Как было показано выше, современная трактовка социального хронотопа во многом затрудняется сложившейся системой разделения труда между дисциплинами обществознания². Серьезными препятствиями оказываются представления, которые (по аналогии с классическими трактовками времени и пространства) позволяют представлять социальное время и социальное пространство как структуры, заполняемые людьми, существующие независимо от людей, функционирующие и изменяющиеся по какой-то своей отчужденной от людей логике. Конечно, такая методологическая инерция во многом препятствует решению перспективных задач, в частности полноценному развертыванию идеи социального хронотопа. Существенным, однако, является то, что в поисках наиболее перспективного варианта развертывания этой идеи приходится не просто решать трудные методологические вопросы, но и прояснять коренные проблемы современной методологии и онтологии.

¹ С учетом такой трактовки психологического времени меняется смысл социальной психологии. Обычно она понимается как психология групп, коллективов, непосредственных взаимодействий. Однако оказывается, что социальность контактов и соответствующая работа психики вовсе не обязательно связана с их непосредственностью. Возникает новая и важная проблема функционирования психики в условиях опосредованных социальных контактов и дальних действий.

² Подробнее об этой системе см.: Обществознание // Современный философский словарь. М., 2004.